

на смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, библейское толкование поступательного движения истории. Усиливается дидактический элемент во всех сферах культуры. Слово и книга, знак и символ занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи. Расшифровать этот язык, понять глубину его символики, прочесть скрытые официальными стереотипами мысли средневекового человека, его этические и эстетические взгляды, нашедшие отражение в поэтике ранневизантийской литературы, — вот задачи, которые ставит в своих работах С. С. Аверинцев.

Естественно, не все решено им до конца. Кое-что лишь намечено. При обилии философско-исторических и литературных памятников IV—VII вв. в центре внимания исследователя находятся прежде всего труды Василия Кесарийского, Григория Назианзина, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Евсевия Кесарийского, Нонна Панополитанского, Романа Сладкопевца и такой памятник, как «Акафист Богородице». При огромном количестве упомянутых в книге имен собственно литературоведческий анализ включает преимущественно названных авторов.

Несколько в тени остались Иоанн Златоуст, ранневизантийские ритори —

Синезий, Фемистий, Имерий. Отсутствует характеристика Агафия Миринейского, Георгия Писиды. Лишь упомянуты Мосх, Леонтий Кипрский. Читателю хотелось бы больше знать и о загадочной фигуре императора Юлиана Отступника. Но вполне понятно, что автор и не ставил своей задачей дать исчерпывающую характеристику всех ранневизантийских авторов, сосредоточив свои силы на тех, кто особо важен для его общей концепции.

Некоторые положения автора не лишены умозрительности, подчас излишней усложненности. Но эти недостатки отнюдь не умаляют больших достоинств монографии С. С. Аверинцева.

Все работы С. С. Аверинцева отличает прекрасный, своеобразный, образный язык. Его переводы необычайно поэтичны и тонко передают стиль византийских авторов. Изученная им литература огромна, она глубоко продумана и по своему оценена автором. С. С. Аверинцев мало с кем соглашается и со многими спорит (П. Лемерль, Г. Хунгер, Х. Г. Бекк и другие).

Монография С. С. Аверинцева представляет собой оригинальное исследование и вносит значительный вклад в развитие византиноведческой науки и литературоведения.

З. В. Удальцова

В. В. Бычков. Эстетика поздней античности. II—III века. М.: Наука, 1981. 325 с.; В. В. Бычков. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М.: Искусство, 1977. 200 с.

Работы В. В. Быčkoва представляют собой обобщение результатов многолетних исследований, проводившихся автором в области позднеантичной и ранневизантийской эстетики. В. В. Бычков является первооткрывателем темы «Эстетические воззрения ранневизантийских мыслителей» в советской научной литературе. В зарубежной византинистике история эстетики этого периода до сих пор характеризовалась лишь очень бегло (почти исключительно в работах Г. Мэтью¹). Эстетические взгляды отдельных мыслителей этого времени (за исключением Августина Блаженного, чьей эстетике посвящен ряд ценных исследований — А. Берто, К. Эшвайлера, А. Викмана, Й. Грубанха, К. Свободы, Т. Манфердини) прежде специально не изучались. Тем большая заслуга в разработке данной темы принадлежит В. В. Бычкову, ибо он не только самостоятельно исследовал множество частных ее аспектов, но дал цельную и убедительную общую концепцию развития христианской эстетики во II—V вв. Основные положения этой концепции, фундаментально важные для дальнейшего развития истории эстетики, сводятся, на наш взгляд, к следующему.

1. Религиозный, иррациональный характер философских учений раннехристианских мыслителей стимулировал их

интерес к изучению механизма вразумного, эмоционального восприятия человеком окружающей действительности. Так как эстетическое восприятие мира располагается именно в этой плоскости, «отцы церкви» неизбежно должны были ставить и разрешать многочисленные эстетические вопросы, которые не являлись актуальными для философов языческой античности. Поэтому эстетические взгляды раннехристианских писателей были необходимой органической частью их общеполитического мировоззрения.

2. Многие фундаментальные философские проблемы решались «отцами церкви» эстетическими средствами и находили выражение в эстетических категориях. Так, мир, вселенная, универсум воспринимался как прекрасное произведение идеального художника-творца. Творение, согласно этой концепции, осуществлялось в соответствии с законами гармонии, ритма, меры, по принципу соответствия каждого элемента мира своему собственному, раз и навсегда определенному предназначению и соответствия каждой отдельной части потребностям целого. По мнению философов раннего христианства, в основе существования мира как определенного единства лежит вечный и неизменный божественный порядок. Упорядоченное, целостное совершенство космоса позволяет говорить о его красоте и, таким образом, относиться ко вселенной как к объекту эстетического наслаждения.

¹ См.: Mathew G. Byzantine Aesthetics. L., 1963.

3. «Отцы церкви» ввели в эстетику целый ряд весьма важных категорий, таких, как свет, цвет, образ, знак. Их теоретическая разработка оказала влияние на средневековую художественную практику в сфере поэзии, живописи, архитектуры. Особое значение в ранневизантйской эстетике имела категория «образа». Вклад в ее осознание внесли апологеты, она была детально проанализирована Августином, нашла отражение в «Ареопагитиках» и окончательно оформилась в ходе полемики иконоборцев и иконопочитателей в трудах Феодора Студита. Основные свойства византйской художественной культуры — символизм, аллегоричность, иносказательность — нашли в христианской теории эстетического образа свой идейный базис.

4. За четыре столетия раннехристианская эстетика прошла большой путь развития. Во II—III вв. наиболее актуальной задачей идеологов христианства была выработка антитезы античной культуры, полемика с ее представителями, обоснование превосходства христианства над язычеством. Следствием этого стала «эстетика отрицания», направленная своим острием против античности, отказывающаяся видеть позитивные черты в классической философии, искусстве, морали. «Эстетика отрицания» была демократична, так как призывала к безыскусственности, естественности и простоте и в социальном плане соответствовала тому этапу в истории христианства, когда последнее являлось «религией рабов и угнетенных» и отражало стихийную неприязнь эксплуатируемых трудящихся масс Римской империи к культуре эксплуататоров. В IV—V вв., когда конечное торжество христианства уже не вызывало сомнений, патристика отказывается от огульного отрицания культурных ценностей язычества. Напротив, она стремится поставить их на службу христианству, которое оформляется теперь как государственная религия колоссальной империи. В творчестве «отцов» IV—V вв. были обоснованы принципы использования христианством античного художественного наследия в сфере живописи (иконы), скульптуры (изображения святых), архитектуры (культовое строительство), музыки (литургия), прикладного искусства (внутреннее убранство храмов, облачения, богослужебный инвентарь) и т. п.

Нетрудно заметить, что предлагаемые В. В. Бычковым выводы относительно развития христианской эстетики во II—V вв. охватывают весь спектр традиционных эстетических характеристик творчества того или иного мыслителя или философского течения. Автору удалось определить место эстетики в системе мировоззрения «отцов церкви», выявить их вклад в анализ и разработку отдельных эстетических категорий, раскрыть динамику эволюции их эстетических взглядов, показать конкретно-историческую обусловленность этой динамики, выяснить значение эстетических концепций патристики как для развития теоре-

тической эстетики, так и для непосредственной художественной практики. Таким образом, эстетика «отцов церкви» исследована В. В. Бычковым с исключительной полнотой. Это тем более знаменательно, что в своей научной деятельности В. В. Бычков не имел предшественников не только в сфере обобщения всего эстетического материала, накопленного философией за четыре столетия, но чаще всего — и при решении конкретных историко-философских проблем. Если до появления работ В. В. Бычкова вызывал сомнения сам факт существования особой святоотеческой эстетики, то благодаря его исследованиям стало ясно, что патристика составляет цельный, своеобразный и весьма важный период в развитии мировой эстетической мысли. В этом заключается основное научное значение новаторских работ В. В. Бычкова.

Достоинство их состоит также в обилии метких и интересных конкретно-исторических и конкретно-философских наблюдений. Таковы положения о влиянии эстетики апологетов на эстетические взгляды отдельных итальянских гуманистов (например, Лактанция на Манетти, с. 381), о развитии Августином Гиппонским эстетических идей Плотина (с. 137 сл.), о вторичном открытии Псевдо-Дионисием Ареопагитом (вслед за Аристотелем, но, видимо, независимо от него) «закона контраста» в художественном творчестве и т. д. Этот список можно было бы увеличивать долго.

Свободно владея многообразным материалом источников, В. В. Бычков весьма удачно выбирает непосредственные объекты исследования. Не вызывает сомнения, что именно апологеты, затем Августин Гиппонский и, наконец, Псевдо-Дионисий Ареопагит образуют своим творчеством основную канву развития раннехристианской философии, и в частности эстетики. В более позднее время в центре внимания христианских мыслителей продолжают оставаться лишь отдельные эстетические категории. В этих случаях (как, например, при изучении проблемы образа) В. В. Бычков выходит за хронологические рамки, обозначенные в названии его работ, что, однако, делает их еще более цельными и убедительными. Можно было бы пожелать автору включить в будущее в круг своего исследовательского внимания творчество ряда раннехристианских авторов, которые в данном случае оказались полностью или частично обойденными (более подробно можно было бы остановиться, например, на работах так называемых «великих кашпадокийцев»). На наш взгляд, доступны эстетическому анализу воззрения Арнобия, Немесия Емесского, Феодорита Киррского, Феодора Мопсуестского, Иоанна Златоуста и других представителей патристики, мимо которых автор проходит в своей работе. Возможно, изучение их взглядов позволило бы внести уточнения и коррективы в концепцию автора.

Специально следует остановиться на историографии работ В. В. Бычкова.

Вызывает уважение и удивление эрудиция автора в области немецкой критической литературы. С точки зрения полноты отражения немецкой историографии подстрочные примечания и указатель литературы в работах В. В. Бычкова могут играть роль ценного библиографического пособия. В то же время достаточно полно используется автором литература на других европейских языках. Из числа важных работ, опубликованных в последние десятилетия и затрагивающих эстетическую проблематику, но не привлечших к себе внимания В. В. Бычкова, можно назвать, например, книгу Дж. Эллсперманна², очень важное исследование, подробно трактующее вопрос о соотношении «прекрасного» и «блага» в понимании Августина, Э. Беккера³, работы Л. Тунберга⁴, где говорится, в частности, об оригинальной концепции образа у Максима Исповедника, знакомство с которой важно для верного понимания сущности иконоборчества.

Диапазон вопросов, затрагиваемых В. В. Бычковым, необычайно широк, и даже подготовленный читатель далеко не всегда может иметь о них аргументированное собственное мнение. В связи с этим следовало бы, наверное, чаще ссылаться на критическую литературу, в частности, в тех случаях, когда какое-либо утверждение дается без доказательств (например, положение о том, что манихеи первыми обратились к эстетике света, нуждается в подтверждениях). В некоторых случаях автор использует устаревшие исследования, что приводит к отдельным неточным формулировкам. Например, вопреки мнению Г. Буассье, на которого ссылается В. В. Бычков (с. 33), отношение древних римлян к живописцам и скульпторам не было огульно презрительным (по крайней мере, не ко всем художникам и не со стороны всех мыслящих римлян)⁵.

В целом же если говорить о недостатках работ В. В. Бычкова, то ему, пожалуй, можно адресовать упрек в несколько преувеличенной, слишком лестной для патристике оценке вклада «отцов церкви» в развитие эстетики. Вряд ли правомерно считать Августина Блаженного «создателем первой целостной эстетической системы». Достаточной цельностью и системностью отличались уже эстетические воззрения Аристотеля.⁶

² Ellspermann G. L. The Attitude of the Early Christian Writers toward Pagan Literature and Learning. Washington, 1949.

³ Becker A. De l'instinct du Bonheur à l'extase de la Beatitude. Théologie et pédagogie du Bonheur dans la prédication de Saint Augustin. P., 1967.

⁴ Thunberg L. Microcosm and Meiator. The theological anthropology of Maximus the Confessor. Lund, 1965.

⁵ См.: Calabi-Limentani I. Studi sulla società Romana. Il lavoro artistico. Milano, Varese, 1958.

⁶ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1975. Т. 4.

Вряд ли правильно подчеркивать мужество Августина, признавшего, что человеческий разум не в силах установить, почему равенство, подобие, соразмерность доставляют нам удовольствие (с. 163). Все эти свойства окружающего нас мира, по Августину, суть законы, в соответствии с которыми мир был сотворен богом. Человек же познает бога не разумом, но чувством. Следовательно, тезис о «непознаваемости причин» естественно вписывается в философию Августина и отвечает ее религиозной направленности. Противопоставляя патристиче идеологию античной древности, В. В. Бычков говорит о «духовном философском эросе античности», антитезой которому стала «христианская любовь к ближнему». Между тем несомненно, что эросом, хотя бы и «философским»^(?), античная этика не исчерпывалась. В ней подробно разрабатывались проблемы дружбы, сыновней и родительской привязанности (amor patri — amor filii), соотношения общественных и семейных обязанностей и т. п. В практической жизни отношения между людьми в античности тем более, разумеется, не были сплошь проникнуты эросом. По нашему мнению, некоторые преувеличения, в которые впадает В. В. Бычков, характеризуя положительные черты раннего христианства, объясняются естественной для исследователя идеологии увлеченностью творчеством и образами изучаемых мыслителей. Хотелось бы все же, чтобы в дальнейшем эти преувеличения были сглажены, в частности, потому, что они снижают атеистический пафос работы В. В. Бычкова.

Отдельные конкретные положения работ В. В. Бычкова также представляются нам сомнительными или спорными. Вряд ли можно трактовать встречающееся у Афинагора противопоставление людей эрудированных, но безздравственных необразованным праведникам как столкновение двух гуманизмов — христианского и светского (в частности, ренессансного типа). Ренессансный гуманизм, конечно, не ограничивался гуманитарной образованностью и вовсе не был аморальным. Проблемы этики всегда находились в центре внимания наиболее значительных деятелей культуры Возрождения (см. последние работы Л. М. Брагиной, Н. В. Ревякиной и др.). Можно, кстати говоря, поставить вопрос и о том, насколько вообще правомерно употребление термина «христианский гуманизм» в марксистской историографии, где под словом «гуманизм» обычно понимается совершенно определенное направление в европейской идеологии позднего средневековья.

Не вполне точен В. В. Бычков, когда говорит об эстетическом характере познания у Псевдо-Дионисия Ареопагита на том основании, что идея познания у него основана на мимесисе (Византийская эстетика, с. 80). Мимесис сам по себе может иметь не столько эстетический, сколько этический характер, у Псевдо-Дионисия он осуществляется на онтологическом уровне (вне в образах, а в сущ-

ности»). Иное дело, что иерархическая система Ареопагита во многом эстетизирована, но это ее свойство не вытекает из самого принципа подражательности.

Непонятно, почему В. В. Бычков оценивает как «духовно-правственный» критерий, которым руководствуются апологеты в своих трактовках прекрасного (Византийская эстетика, с. 117). Он сам отмечает, что единственно приемлемой для них является красота природная, естественная. А ведь для апологетов любой предмет или явление природы совершенны, как создания Творца, как объект творения. Поэтому критерий прекрасного у них не нравственный, а онтологический.

В. В. Бычков пишет, что свет выполняет в концепции Псевдо-Дионисия функцию прекрасного. В доказательство приводится текст, где говорится, что «осияние светом приводит к украшению неукрашенного». Но это значит, что свет не

тождествен по своей функции прекрасному, а творит прекрасное, или, точнее, является носителем свойств прекрасного, которое он способен передать нейтральному в эстетическом смысле объекту (что соответствует и рассуждениям автора о свете у Ареопагита).

Однако все перечисленные недочеты не могут изменить общего весьма положительного впечатления от работ В. В. Бычкова. Вклад В. В. Бычкова в развитие изучения истории эстетической мысли весьма велик, и очевидно, что впредь мимо его трудов не сможет пройти ни один исследователь раннесредневековой культуры. Его научные изыскания, безусловно, нуждаются в продолжении как в области христианской эстетики, так и в сфере исследования византийской эстетики в целом. В квалифицированном марксистском исследовании этой проблематики ощущается в настоящее время большая нужда.

З. В. Удальцова

Г. Е. Лебедева. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 168 с.

Рассматриваемая монография является, с одной стороны, известным итогом предшествующих разысканий автора в области социальной структуры «нижних этажей» ранневизантийского общественного здания; с другой — очень серьезной и успешно реализованной заявкой на комплексное исследование развития господствующего класса ранней Византии.

Сама Г. Е. Лебедева формулирует свою задачу как «изучение тех изменений, которые произошли в социальной структуре, развитии основных классов и социальных групп ранневизантийского общества в IV—V вв.» (с. 6). Таким образом, хронологические рамки исследования определены очень четко: они правомерны как с точки зрения социальной характеристики восточно-римского общества (где развитие в их пределах составляет объективное единство), так и с точки зрения состояния изученности объекта (в марксистской историографии век Юстиниана исследован лучше; см., например, труды З. В. Удальцовой и Г. Л. Курбатова). Тем не менее, поскольку известно завершение развития исследуемых Г. Е. Лебедевой объектов приходится на VI в., она делает ряд ценных наблюдений и корректирует некоторые представления применительно к социальным реалиям и этого столетия.

Предмет исследования — именно основные восточноримские классы и социальные группы, рассматриваемые в аспекте разложения античных форм и связей. Такой подход правомерен. Во-первых, античные формы и связи для IV—V вв. легко уловимы в источниках. Во-вторых, попытки выявить «феодализацию» социальных групп данного периода уже нуждаются в корректировках как с точки зрения методики обработки более чем скудных на этот счет данных источников, так и из-за того, что именно глубокое

изучение разложения античных форм дает возможность лучше определить характеристику ранневизантийского общества (в том числе и выявить в нем элементы нового).

Инструментарий Г. Е. Лебедевой — ранневизантийское законодательство. Именно оно в общем виде отразило основные линии развития ведущих социальных групп IV—VI вв. Оно же, как подчеркивает автор, делает возможным более четкое определение социальной политики государства (особенно через анализ включенных в *Corpus juris civilis* старых законоположений). Безусловной заслугой исследовательницы является комплексный анализ *всех* законов, относящихся к объектам работы (хотя для сословий сенаторов и куриалов такая категоричность исключается). Причем автор методологически верно отмечает необходимость анализировать не только законы, отразившие изменения в положении социальных групп. В этом плане явно справедливо констатирована и неисчерпанность анализа терминологии законодательства.

При изучении социальной структуры неизбежно встает вопрос о соотношении описательно-иллюстративного и социолого-статистического методов. Избранный Г. Е. Лебедевой подход не имеет ничего общего с просопографическим, если под просопографией понимать конструирование «исторических портретов» изучаемых социальных групп, когда эти группы берутся в отрыве от социально-экономических характеристик общества, к которому они принадлежат. Законодательный материал ранней Византии пока вряд ли позволяет извлечь из него обобщенные статистические сведения, относящиеся к генеральной или к репрезентативной выборочной совокупности. Поэтому в работе Г. Е. Лебедевой количественный анализ играет второстепен-